

«УТВЕРЖДАЮ»

Проректор по научной работе
федерального государственного
бюджетного образовательного
учреждения высшего образования

«Омский государственный
университет им. Ф.М. Достоевского»
доктор физико-математических наук,
проф.

 С.В. Белим

«03» мая 2018 г.

ОТЗЫВ

ведущей организации федерального государственного бюджетного образовательного учреждения высшего образования «Омский государственный университет им. Ф.М. Достоевского» о диссертации Ростовцевой Юлии Александровны «Рецепция законодательных текстов в русской литературной утопии XVIII века», представленной на соискание ученой степени кандидата филологических наук по специальности 10.01.01 – Русская литература

Актуальность диссертационного исследования

Ю.А. Ростовцева подходит к проблеме изучения истоков русской литературной утопии нестандартным образом, рассматривая её в аспекте государственных правоустанавливающих документов середины – второй половины XVIII в. Утопия – по определению номологический тип текста: она описывает социальную реальность как инвариант, а не как его конкретно-историческую реализацию; как абстрактную норму или антинорму, а не как систему бесконечных компромиссов между нормой и живой повседневностью, к которым неизбежно сводится наше социальное бытие.

Утопический метажанр в русской литературе указанного периода имеет три центра притяжения: эксплицитный (идеальный закон, прямой проекцией которого является идеальный же общественный уклад, изображаемый автором-утопистом) и два имплицитных, не явленных в тексте, но постигаемых в сопоставлении с первым по принципу обратной аналогии – действительное, несовершенное общественно-политическое устройство и

действующая, ущербная законодательная норма, являющаяся его первопричиной. Традиционно при анализе русских литературных утопий XVIII в. акцент делается на их социально-критическом пафосе, т.е. первый (эксплицитный) план сопоставляется со вторым. Между тем смысловое ядро произведения, как правило, соотносится именно с третьим (легислативным) планом; утопия – это, прежде всего, прение о Законе. Поэтому сопоставление утопических текстов с современными им законодательными установлениями представляется насущной задачей. И можно только удивляться, что подобные системные исследования не были предприняты раньше.

Диссертант справедливо отмечает, что многие авторы первых русских утопий (например, А.П. Сумароков, А.Н. Радищев) известны жёсткой критикой российской законодательной политики, а некоторые (как М.Н. Щербатов) принимали непосредственное участие в разработке и экспертной оценке государственных правовых актов. Таким образом, актуальность предпринятого Ю.А. Ростовцевой исследования обуславливается не только общетеоретическими, но и вполне конкретными историко-литературными соображениями.

Научная новизна и личный вклад

Новизна исследования в значительной мере предопределена спецификой методологического подхода к анализу литературного материала. Как справедливо отмечает диссертант, рецензируемая работа является первым изысканием по истории русской утопии, где проблема законодательного идеала в литературно-публицистических памятниках эпохи просвещённого абсолютизма рассматривается через последовательное сопоставление декларируемых писателями концепций общественных преобразований с законами Российской империи (С. 10).

Ю.А. Ростовцевой проделана большая и очень важная источниковедческая работа: отобран и систематизирован полный корпус литературных памятников XVIII в., которые могут быть расценены как эталонные в жанровом отношении утопии; убедительно показано, какие именно законодательные акты художественно отрефлексированы в каждом из этих произведений; тщательно изучены неопубликованные сочинения

И.И. Тревогина и М.М. Щербатова, хранящиеся в Российском государственном архиве древних актов.

Достоинством диссертации является неукоснительно следование автора изначально оговорённым методологическим предпосылкам, что нередко оказывается непосильной задачей для склонных к ассоциативному мышлению гуманитариев. Внимательно проанализировав научную литературу по теме исследования и сформулировав итоговое определение утопии, Ю.А. Ростовцева в дальнейшем жёстко его придерживается, что позволяет ей пересмотреть успевшие уже прочно закрепиться в утопиологии излишне вольные суждения о жанровой природе некоторых произведений. Так, например, она убедительно доказывает, что «Приключения Фемистокла» Ф.А. Эмина следует отнести к числу собственно панегирических, а не жанрово амбивалентных (хвалебно-сатирических) утопий.

Принципиальный отказ от аналогического подхода приводит к тому, что круг анализируемых в работе материалов ограничен лишь теми, которые дают прямое и точное соответствие предложенному автором рабочему определению жанра. Такая установка имеет как положительные, так и отрицательные последствия. С одной стороны, это позволяет вести предметный разговор, не отвлекаясь раз за разом на многочисленные исключения, чтобы показать, что они не противоречат выдвинутой автором концепции, поскольку так или иначе выходят за границы очерченного им смыслового поля. С другой, живой литературный процесс (в отличие от процесса исследовательского) почти всегда дефинитивно нечёток и предполагает постоянное нарушение границ. Поэтому, отделяя «чистую» утопию от «нечистой» (как, например, «Путеводитель к истинному человеческому счастью» Т.А. Болотова или «Хор ко превратному свету» А.П. Сумарокова; см. с. 25 работы), мы рискуем излишне сузить ракурс рассмотрения, отбросив пусть и «нерелевантные» в аспекте сформулированной темы, но, бесспорно, значимые для становления «чистой» утопии прецеденты. Думается, что расширение контекстного поля и анализ литературной утопии XVIII в. в сопоставлении с утопическими по духу (хотя

и не являющимися утопиями в жанровом отношении) текстами может стать следующим этапом исследовательской работы в выбранном направлении.

Значимость для науки полученных соискателем результатов

Диссертационное исследование Ю.А. Ростовцевой имеет бесспорную **практическую значимость**: оно вносит вклад в изучение истории русской литературы XVIII столетия, давая целостную картину становления утопии как одной из наиболее продуктивных для своего времени форм публичной дискуссии по вопросам законодательной политики и законодательных реформ. Результаты исследования могут быть применены в преподавании не только литературных дисциплин, но также истории права. Источниковедческий задел работы окажется весьма актуален при подготовке к печати ранее не публиковавшихся произведений писателей-утопистов, в частности, при составлении научного аппарата издания (примечаний, предисловия).

Теоретическая значимость исследования обусловлена систематическим рассмотрением ранних этапов формирования русской литературной утопии, уточнением её жанровых характеристик, выделением новой её разновидности – дисномии (утопического повествования, призванного продемонстрировать существенные изъяны имеющейся законодательной системы), ранее не изучавшейся как особый жанровый феномен.

Структура и содержание работы

Работа состоит из Введения, трёх глав, Заключения и списка использованной литературы, включающего 222 наименования. Во **Введении** оговаривается степень научной разработанности проблемы, рассматриваются фундаментальные труды, посвящённые утопической литературе, определяются объект и предмет изучения, обосновываются актуальность и научная новизна работы, устанавливаются её цель и задачи. Отметим, что источниковедческая и текстологическая направленность диссертации чётко задана в формулировках предмета исследования («текстологические, исторические, идейно-мотивные связи литературной утопии и законодательных актов XVIII столетия» (С. 12–13)) и его цели

(«эксплицировать отражение правовых актов в утопических текстах эпохи» (С. 13)).

В первой главе «Природа утопического метажанра» даётся очерк истории термина, анализируется жанровая природа утопии, прослеживаются её истоки в отечественной литературе, раскрывается связь отечественных утопий с западноевропейскими. Можно констатировать, что проблема соотношения утопизма (как типа сознания) и утопии (как особой литературной формы) не до конца решена в современной утопиологии и учёные нередко излишне широко трактуют второе из этих понятий, по сути, сводя его к первому. Полемизируя с Л. Геллером и М. Нике, Т. Чумаковой, Б. Егоровым, А. Харитоновым, Ю.А. Ростовцева убедительно показывает, что древнерусская словесность не знает утопии как особого типа текста, хотя ей и были присущи утопические искания. Таким образом, отсчёт истории русской литературной утопии диссертант мотивированно начинает с эпохи Елизаветы Петровны.

В диссертации также предложено логичное осмысление другой непростой дилеммы – жанровости/внежанровости утопии. Вслед за А.Е. Ануфриевым и Н.В. Ковтун Ю.А. Ростовцева понимает утопию как метажанровое явление, подчёркивая, что, имея ярко выраженные художественные особенности, позволяющие её надёжно идентифицировать, утопия в то же время всегда органично «встраивается» в какой-либо жанр (роман, повесть, памфлет, трактат и т.д.) (С. 23).

В заключительном подразделе первой главы характеризуются разновидности утопии и даётся обоснование понятию дисномии, которое автор вводит в научный оборот. Диссертант подчёркивает, что, наряду с панегирической утопией (эвномией), в русской литературе века Просвещения присутствует большой пласт утопических текстов, не имеющих отдельного терминологического обозначения, в которых описывается законодательный идеал, вступающий в противоречие с действительностью (С. 45).

Вторая и третья главы работы посвящены елисаветинской и екатерининской эпохам (сороковые – шестидесятые и шестидесятые – девяностые годы), внутри же структурированы по хроникально-

тематическому принципу. Во второй главе «Русская литературная утопия и законодательство Елизаветы Петровны» утопия А.П. Сумарокова «Сон. Счастливое общество» анализируется в свете моратория на смертную казнь, введённого императрицей, и церковного законодательства середины XVIII в. Ю.А. Ростовцева показывает, что основоположник русской драматургии в вопросе о высшей мере наказания, а также правах и обязанностях священнослужителей занимает позицию противоположную правительственной и указывает на необходимость возвращения к идеалам петровских времён.

Третья глава, «Русская литературная утопия и законодательство Екатерины Второй», по объёму в полтора раза превышающая две предшествующие главы, охватывает широкий круг текстов. «Приключения Фемистокла» Ф.А. Эмина анализируются в аспекте законов против лихоимства, утопические проекты И.И. Тревогина – в аспекте образовательных установлений Екатерины II, «Путешествие в землю Офирскую» М.М. Щербатова – в аспекте религиозного и образовательного законодательства эпохи, «Нума Помпилий, или Процветающий Рим», «Полидор, сын Кадма и Гармонии» М.М. Хераскова, «Новейшее путешествие, сочиненное в городе Белеве» В.А. Левшина, «Хотиллов. Проект в будущем» А.Н. Радищева – как литературные отклики на деятельность комиссии по составлению проекта Нового уложения и появление «Наказа» императрицы.

В **Заключении** подводятся итоги исследования и намечаются дальнейшие перспективы работы над темой.

Научные положения и выводы, сформулированные в работе, являются **обоснованными** и **достоверными**, что обусловлено и капитальной источниковедческой базой, и последовательным соблюдением изначально заданных методологических принципов.

Текст автореферата и 11 научных статей (6 из которых опубликованы в изданиях, рекомендованных ВАК) полностью соответствуют содержанию диссертации и должным образом отражают основные результаты

исследования, которые получили апробацию на конференциях международного и всероссийского уровня.

Выносимые на защиту положения логическим образом вытекают из поставленных диссертантом задач и получают достоверное обоснование в тексте работы. Ю.А. Ростовцевой, безусловно, удаётся доказать, что, при несформированности публицистической традиции и невозможности свободных дебатов в печати по вопросам государственной политики, рецепция и полемическое обсуждение законодательных актов протекают главным образом в рамках художественной литературы и становятся одним из мощнейших импульсов зарождения отечественной утопии как особого метажанра. Заметим, впрочем, что Положение 4 («Влияние законов на тексты указанного содержания нашло своё выражение в текстологических, идейных и мотивных заимствованиях») представляет собой скорее не самостоятельный тезис, а развёрнутую формулировку Положения 3 («Обращение утопистов к правовой сфере оставило свои "следы" в русских утопических текстах»).

Как уже было указано, работа Ю.А. Ростовцевой особенно сильна своей источниковедческой и текстологической составляющей, что обусловило закономерный крен в сторону культурно-исторического подхода (когда художественный памятник прочитывается как отражение общественно-политических процессов эпохи). Однако, хотя номологическая система всякой отечественной утопии XVIII в. – как убедительно показывает диссертант – представляет собой рефлексию в отношении фактической законодательной и правоприменительной практики, она в то же время есть продукт *художественного* творчества и часть *художественной* действительности.

Расстановка акцентов исследования – неотъемлемая прерогатива учёного. И всё же хочется спросить, почему Ю.А. Ростовцева сосредоточивает внимание в основном на механизмах рецепции законодательных актов писателями-утопистами, а не на том, какие художественные задачи решала эта рецепция в их текстах и как по-разному

не только в идейном, но и в художественном отношении осмыслялась проблема идеального закона создателями первых русских утопий?

Хотелось бы уточнить, учитывались ли диссертантом ранние стадии становления европейской утопической традиции (начиная с Платона), особенности влияния на неё просветительской философии, а также принципы французского и немецкого права XVI–XVIII вв., нашедшие косвенное отражение в европейской утопии, а через её посредство – и в отечественной?

Опирался ли автор работы при рассмотрении коллизий, связанных с церковным правом, помимо юридических документов, на труды историков русской церкви (Н.М. Никольского, А.В. Карташёва и др.)?

Впрочем, наши вопросы и замечания носят дискуссионный характер и ни в коей мере не снижают ценности рецензируемой работы. Диссертация Ростовцевой Юлии Александровны «Рецепция законодательных текстов в русской литературной утопии XVIII века», представленная на соискание ученой степени кандидата филологических наук, является полноценным научно-квалификационным сочинением, в котором ставится и решается научная задача по описанию особенностей идейно-художественной рецепции правовых актов в утопических текстах периода правления Елизаветы I и Екатерины II. Диссертация представляет собой самостоятельное исследование, выполненное на высоком научном уровне, и вносит существенный вклад в изучение русской литературной утопии XVIII в. Сделанные автором выводы и наблюдения имеют теоретическую и практическую значимость. Совокупность результатов исследования можно квалифицировать как новое научное достижение.

Рецензируемая диссертация соответствует требованиям, изложенным в пунктах 9-14 действующего «Положения о порядке присуждения учёных степеней», а её автор Ростовцева Юлия Александровна заслуживает присуждения искомой учёной степени кандидата филологических наук по специальности 10.01.01 – Русская литература.

Отзыв составлен заведующим кафедрой русской и зарубежной литературы ФГБОУ ВО «ОмГУ им. Ф.М. Достоевского», кандидатом

филологических наук (специальность 10.01.01 – Русская литература),
доцентом Демченковым Сергеем Александровичем.

Отзыв обсуждён и одобрен в качестве официального отзыва ведущей
организации на заседании кафедры русской и зарубежной литературы
ФГБОУ ВО «ОмГУ им. Ф.М. Достоевского», с участием д.филол.н.,
профессора кафедры журналистики и медиалингвистики ФГБОУ ВО «ОмГУ
им. Ф.М. Достоевского» Н.Н. Мисюрова, д.ф.н., профессора кафедры
русского языка, славянского и классического языкознания ФГБОУ ВО
«ОмГУ им. Ф.М. Достоевского» Т.П. Рогожниковой. Протокол заседания
кафедры № 5 от «30» апреля 2018 г.

Заведующий кафедрой
русской и зарубежной
литературы, кандидат
филологических наук
по специальности 10.01.01 –
русская литература, доцент

— Сергей Александрович Демченков

Подпись *Демченкова С.А.* заверяю

Специалист по КР *Виняргоскина И.*

Федеральное государственное бюджетное
образовательное учреждение высшего образования
«Омский государственный университет
им. Ф.М. Достоевского»,
644077, Россия, г. Омск, пр. Мира, д. 55-А.
Тел.: (3812) 67-01-04,
E-mail: rector@omsu.ru,
Официальный сайт: <http://www.omsu.ru>